

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДТЕКСТЫ

3

ПОДТЕКСТ КЛУБ
2026

Евгения Ушенина

Подтексты. Том 3

<https://litres.ru/74384678>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Подтексты. Том 3» — коллективный сборник учеников Подтекст Клуба.

Эту книгу можно читать как роман, написанный десятками авторов. В нём перекликаются темы поиска дома, любви, памяти, Бога, семьи, взросления, одиночества, надежды. Авторы, не цитируя друг друга, продолжают разговор, начатый на предыдущей странице. Каждый голос звучит самостоятельно, но вместе они создают пространство для большого разговора, который продолжается далеко за пределами книги.

Все произведения даны в авторской орфографии и пунктуации. Представленные в книге произведения созданы в рамках литературных заданий, предполагающих различные формы взаимодействия с уже существующими текстами. В зависимости от условия задания автор мог использовать цитирование, отсылку к произведению или его автору, реминисценцию, аллюзию, парафраз, продолжение, вариацию, интерпретацию или монтаж фрагментов.

Содержание

Предисловие	13
Евгения Ушенина	25
«Семь пуговиц на рубашке...»	25
«Наш поезд погибается в дугу...»	26
«Лунный кролик в ступке...»	27
«Яша, домой...»	28
«Помнится, было...»	30
«Пирог засох, лимон заkis в стакане...»	32
«Если на минуту представить...»	34
«И кресты под горой...»	36
«Пристрой себя на белых простынях...»	37
«Треснули синие очки безумного...»	38
«А в этот раз я ничего не захотела...»	39
«Постучите, прошу, по надгробию...»	40
«Наберу воду Красного моря...»	42
Константин Бочаров	43
Нина Лаврентьева	44
«Что такое любовь?»	49
«Я лечу по орбите...»	53
Иван	55
Ночь раз в четыре года	56
В буре	58
Город света	61

Afterparty

64

Конец ознакомительного фрагмента.

74

Евгения Ушенина

Подтексты. Том 3

Подтексты

Том 3

«Автор»

2026

Авторы: Ушенина Евгения, Бочаров Константин, Лаврентьева Нина, Матулайтис Иван, Белобородова Жанна, Стрельникова Анна, Коновалова Людмила, Амченцева Жанна, Чилина Ольга, Ильминская Ольга, Габитова Альбина, Капранова Олеся, Сушанская Екатерина, Полещук Полина, Ишутина Елена, Фокин Евгений, Романова Александра, Васильева Айно.

Ушенина Е.

Подтексты. Том 3 / Е. Ушенина — «Автор», 2026

«Подтексты. Том 3» — коллективный сборник учеников
Подтекст Клуба.

Эту книгу можно читать как роман, написанный десятками авторов. В нём перекликаются темы поиска дома, люб-

ви, памяти, Бога, семьи, взросления, одиночества, надежды. Авторы, не цитируя друг друга, продолжают разговор, начатый на предыдущей странице. Каждый голос звучит самостоятельно, но вместе они создают пространство для большого разговора, который продолжается далеко за пределами книги.

Все произведения даны в авторской орфографии и пунктуации. Представленные в книге произведения созданы в рамках литературных заданий, предполагающих различные формы взаимодействия с уже существующими текстами. В зависимости от условия задания автор мог использовать цитирование, отсылку к произведению или его автору, реминисценцию, аллюзию, парафраз, продолжение, вариацию, интерпретацию или монтаж фрагментов. Такие способы работы позволяют увидеть, как один текст вступает в диалог с другим и как заимствованный образ, мотив, строка или интонация получают новое смысловое звучание в авторском произведении.

© Ушенина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие

Евгения Ушенина

«Семь пуговиц на рубашке...»

«Наш поезд загибается в дугу...»

«Лунный кролик в ступке...»

«Яша, домой...»

«Помнится, было...»

«Пирог засох, лимон закис в стакане...»

«Если на минуту представить...»

«И кресты под горой...»

«Пристрой себя на белых простынях...»

«Треснули синие очки безумного...»

«А в этот раз я ничего не захотела...»

«Постучите, прошу, по надгробию...»

«Наберу воду Красного моря...»

Константин Бочаров

Полуночное

Нина Лаврентьева

«Кашель грудной и влажный...»

«У него опять мокрый тренч...»

«По шоссе, не сбавляя газу...»

«Я хрусткий ледок...»

«Хочешь весны?»

«Что такое любовь?»

«Шёл прошлогодний горький снег...»

«В этом году пост рано...»

«На двери облупилась краска...»

«Я лечу по орбите...»

Иван Матулайтис

Ночь раз в четыре года

В буре

Город света

Afterparty

Жанна Белобородова

Глава 6. Взаимозависимость независимостей из романа

«Святая Джоанна»

Голос (Жене Ушениной)

Молчаливый сонет

Гладильщицы

Клубные чтения

Тюльпаны

«Оставляю в ушедшем году тени прошлого...»

Анна Стрельникова

Издателю (Жене Ушениной)

Тебя из тебя

Гаражи

Повезло

16.10.1984

Гладиолус

Лет off

Часы

МОГ ИЛЬ КАК

М(о/и)рское

Людмила Коновалова

Глава: «Интернат» из романа «Последыш»

Жанна Амченцева

«Женщина в ситцевой рубахе...»

«В неверии твоём...»

Великая

«Одиночество...»

«Иная...»

«Маленькими шагами...»

«Уязвимая...»

«Писать... Переписывать...»

«Руки твои в иное...»

«Женщина с глазами зелёной долины...»

«Соскучилась по словам...»

«Сегодня ночью снился сон...»

«Не пишется...»

«Не могу никак выстрелить...»

«Только не замирай...»

Ольга Чилина

Отрывок из шестой главы романа «Радуга счастья»

Ольга Ильминская

Игроки

Альбина Габитова

Ночь. Кухня. Абажур

«Дождь...»

«Строю задачи по теории вероятности...»

«Душа скомкана ветром повседневности...»

«Солнечные ручьи прольются на твою ладонь...»

«Забывтое письмо в почтовом ящике ...»

«Круговорот беспредела в нейронах ...»

У волчьего логова

Как же мне было легко дышать тогда

«Проснулась...»

«Золотая тарелка солнца...»

Слава Богу, что это не так

Олеся Капранова

Крапива

Розы

И это тоже я

Дочь

Солнце правды

Яблоневый сад

Чёрное море

Екатерина Сушанская

Что такое любовь?

Полина Полещук

Сцена зимнего бала из романа «Победитель получает ничего»

Елена Ишутина

Расстилая туман по пруду

Как пахло

Дорога на гору Монсеррат

Летний дождь

Про деда

Кто остановит

Мерзкие рептилии

16.30

Такое только в феврале

«Жара выжимает тело...»

Евгений Фокин

Электричка

Кноп

«Сыпется жёсткий диск...»

«Папа, зачем ты ушёл от меня?..»

Уложил

Заболел

Замок в небе

Александра Романова

Колыбельная

Стыд

«В наказание, что мы не гуляли...»

«А снег всё шёл и шёл...»

Ревность

«Под нашим домом жил чёрный волк...»

Геометрия мира

Последняя Капля

С фотоальбомом в руках

Приступ

«Хорошо, что существует множество точных слов...»

«Знаешь, мне сегодня приснилось...»

«Вылепленная аккуратно из чернозёма...»

Алёнушка

Выходи!

Тектоническая драма

О стихах

Айно Васильева

Быть идеальной

Настроение – влюбиться

Выгорание

«Я иногда скучаю по себе...»

Ты читаешь меня

Сны vs реальность

Немножечко скучаю

Пока!

БИО

Подтексты. Том 3

Предисловие

Каждый новый том «Подтекстов» для меня — это повод остановиться и посмотреть, какой путь мы уже прошли вместе.

Когда-то Подтекст Клуб появился как место, где можно было поговорить о своих текстах, обсудить, отредактировать, но довольно быстро стало понятно, что на самом деле мы говорим о самом человеке. О том, что его волнует, делает сильнее, беспокоит и не отпускает годами. О том, как текст помогает поднять голову и двигаться дальше.

Художественные тексты удивительным образом становятся хранителями — они запоминают не только события, но и внутренние изменения в авторе. Иногда я перечитываю работы учеников, написанные несколько лет назад, и понимаю: в человеке что-то изменилось, стало больше доверия к жизни, исчез страх, родилась надежда. Через произведение проявлено, что человек наконец-то разрешил себе быть собой.

Наверное, поэтому для меня так важно, чтобы в Подтекст Клубе не было соревнования. У каждого свой темп, свой опыт и голос. В мастерских Подтекст Клуба мы не пытаемся писать одинаково или соответствовать каким-то ожиданиям. Мы учимся вниманию к слову, жизни, друг другу и постепенно начинаем замечать, сколько красоты, силы и достоин-

ства есть в каждом человеке.

Мне хочется верить, что творчество помогает нам становиться чуть более живыми. Оно возвращает способность чувствовать, замечать, сопереживать и благодарить. Учит видеть Свет даже в самую тёмную ночь души. Иногда достаточно одной честной строчки, чтобы внутри стало светлее и свободнее. Часто именно с неё начинается большой путь к себе.

Эта книга собрала под единой обложкой авторов разных судьб, возрастов, разных интонаций, но всех нас объединяет желание быть честными.

Спасибо авторам, кто доверил этой книге свои тексты. Спасибо тем, кто открывает её сейчас.

Пусть каждая следующая страница станет не только встречей с новыми историями, но и ещё одной встречей с собой.

Евгения Ушенина

писатель, поэт, преподаватель мастерских,

основатель Подтекст Клуба

https://t.me/podtext_club

Как здорово, что существуют принимающие места, куда можно прийти, не боясь раскрыть душу. Подтекст Клуб и его мастерские именно такие — в них не предъявляют ожиданий, а разрешают авторам быть собой. Благодаря этому бережному подходу к творческим людям на Свет появился уже

третий том сборника «Подтексты». В нём собраны сочинения разных авторов (учеников мастерских), которые пишут искренне, душой. Каждое произведение звучит по-особенному, а вместе они складываются в книгу, которую можно раскрыть в любом месте, чтобы расслабиться, вдохновиться, растрогаться и насладиться работами талантливых поэтов и прозаиков.

Мила Эвоян

*ответственный редактор издательства «Бомбора»,
ведущая рубрики «Случайный образ» в Подтекст Клубе*

Литературная учёба – оксюморон. Определение, которое приходится так или иначе заключать в мысленные кавычки.

Литературная учёба – зыбкий и неverifiedируемый процесс: критерии его смутны, а итоги в большей степени зависят от жизни автора, чем от советов и консультаций. Необходимые переживания – и трансформация их в творчество; лишение иллюзий – и, опять-таки, умение облечь всё это в индивидуальную словесную форму; поиск сосредоточенности – и разумная отрешённость от социальной жизни; и, наконец (и во-первых), пресловутый талант... Всё это в первую очередь, а не наши многочасовые буквоедские бдения.

«Но всё же, всё же, всё же», как писал Твардовский – знавший толк и в деле обучения так называемому мастерству.

Литературная учёба – процесс необходимый. Что-то (за-

частую) происходит с начинающим автором на наших глазах. Видны результаты. Каковы результаты семинаров, в каком случае они зависят от напряжённой рефлексии над сказанным, а когда от «обратного» принципа, дерзкого отталкивания от советов педагога (что на самом деле ценю), – предсказать всегда непросто. По-моему, здесь иногда работает возрастная градация: в случае с семнадцатилетним или двадцатилетним автором педагогическое влияние будет очевидным. Тут же – и типичные для большинства ошибки формы, перечисляя которые, всегда стремлюсь не скатиться в шаблоны и педагогический самоповтор. (Здесь и сложнее всего предсказать что-либо: оставит ли стихи, как именно переменится...) Насколько влияет на результаты собственное участие в них – об этом лучше не задумываться: честнее сосредоточиться на том, чтобы говорить честно.

Можно, конечно, и выделить пару необходимых составляющих процесса. На мой взгляд, это внимание к тексту (каждый раз персонализированное, но необходимы поиск его истоков, анализ частностей, вплоть до пунктуационной стороны, и – непременно обозначение перспективы) и то, что я называю «выходом из редакторской ситуации»: суждение – в связи с начинающим автором – вне огромного эстетического счёта литературы, который обязателен внутри журнального выбора, но в рамках семинара может и подавлять разбираемого. Гораздо полезнее, по-моему, рекомендации в отношении той самой перспективы и то, что Анненский называл

словами-тиками (повторяющиеся образы, по которым можно узнать личность пишущего). Впрочем, здесь всё, опять-таки, индивидуально и зависит от выбранного преподавателем направления. Кто-то взыскует заданий, мне они никогда не были близки, в отличие от основательного изучения материала.

В ряду сегодняшних образовательных проектов – которых, прямо скажем, немного (имеем в виду не количество, а те, что искренне хочется порекомендовать), – «Подтекст Клуб» занимает важное место. Возможно, как раз благодаря тому, о чём пишет Евгения Ушенина в своём предисловии: «Когда-то Подтекст Клуб появился как место, где можно было поговорить о своих текстах, обсудить, отредактировать, но довольно быстро стало понятно, что на самом деле мы говорим о самом человеке. О том, что его волнует, делает сильнее, беспокоит и не отпускает годами. О том, как текст помогает поднять голову и двигаться дальше». Раскрыть загадку личности, подойти не только к тексту, но и к автору, психологически – важно. К сожалению, об этом помнят сегодня не все ведущие семинаров. (На всякий случай стоит оговорить, что никаких рекомендаций для преподавателей здесь нет, но атмосфера подобной чуткости создаётся сама собой.)

Итак, сборник курса. Что он принесёт нам? Станет ли только отчётом за выбранный период – или событием в литературном мире (учитывая при этом не резонанс, но глав-

ное достоинство любого сборника, – уровень его, то бишь выход за рамки любой нишевости сообществ, будь то Литинститут или региональное объединение)? На мой взгляд, в написании такого предисловия есть существенное отличие от привычной критической рецензии. Там неизбежно выбираешь, в рамках проекта – так или иначе разговариваешь со всеми (иначе с чего бы появиться и сборнику курса). Отрицая (не)близость – мировоззренческую или гендерную: вопросы модерации при слишком обширном наборе, конечно, неминуемы, но не всегда важны внутри столь полезного капустника. Ибо каждый – независимо от способностей – может после этого разговора стать лучше: если не как автор, то как читатель.

Не будем, таким образом, превращать ситуацию предисловия – в ситуацию семинара. Тем более участникам, записавшимся на мой курс, всё сказано максимально подробно. В случае подробного рецензирования отрицательные замечания неизбежно пришлось бы сглаживать, а похвалы – несколько преувеличивать. Сборник – скорее праздник, который не стоит портить рекомендациями и вздохами. Для самых рефлексивных авторов, правда, – ещё и взгляд на себя в контексте, усиливающий самокритичность (на это, по моим наблюдениям, способно именно бумажное издание в силу особой магии).

Думаю, впрочем, что когда есть несколько абсолютно состоявшихся подборок, – и сборник состоялся. Тут я бы отме-

тил прежде всего разнообразие возможностей Евгении Ушеиной, её способность заключить максимально суггестивное содержание в лаконичную структуру. В случае Александры Романовой, напротив, заслуживает внимания работа с большой вещью «гибридного» свойства – и с преодолеваемой инерцией нарратива. Рассмотреть, как делает это автор, и учесть в собственной практике нелишне всем читателям сборника.

Безусловно, как на очень интересного и перспективного автора стоит обратить внимание на Жанну Белобородову (рекомендую прочитать её подборку на сайте «Полутона»). Оставляем за скобками авторов именно потенциальных; в сборнике их немало, говорим сейчас про абсолютные удачи.

Их – удач – и пожелаем организаторам. Выживаемости – и коммерческой востребованности! Я тут даже без улыбки, если что.

Борис Кутенков

поэт, литературный критик,

преподаватель поэтической мастерской Подтекст Клуба

Говорят, талант расцветает там, где есть поддержка и среда.

Подтекст клуб — уникальное сообщество с тёплой атмосферой и благоприятным пространством для роста, поиска

себя и самовыражения.

Благодаря преподавателям идеи обретают глубину, слово становится точнее, а голос — увереннее. В наших еженедельных встречах важен не только результат, но и путь становления человека как писателя. Мы создаём место, где можно быть собой, исследовать, ошибаться и снова пробовать без страха.

Альбина Габитова

*Ведущая проекта и соавтор «Подтексты. Том 3»,
куратор Подтекст клуба*

Третий том «Подтекстов» для меня — не просто очередной сборник художественных текстов, а настоящий праздник смелости быть творцом. Я невероятно радуюсь, видя, как ученики мастерских всё смелее и увереннее позволяют себе звучать.

За время работы я привыкла быть рядом со студийцами на вебинарах и в еженедельной рубрике «Психологический компас». Но в этот раз я впервые оказалась с ними в одном сборнике, как поэт. Для меня это стало ещё одним подтверждением того, что в «Подтекст Клубе» не нужно выбирать, кем быть: автором или психологом. Здесь можно быть разным, пробовать новое, соединять в себе несколько ролей и при этом оставаться собой.

За каждым текстом в сборнике стоит человек со своими переживаниями, сомнениями, радостями и открытиями. Кто-то только пробует свой голос, кто-то уже хорошо его знает, но каждый из авторов однажды решился сделать самое важное — проявить свой внутренний мир через тексты.

Наверное, именно поэтому этот сборник хочется читать медленно, словно рассматривая альбом с фотокарточками: узнавая знакомое, удивляясь непохожему и иногда неожиданно встречаясь с собой.

Айно Васильева

психолог, детский писатель издательства «Коми республиканская типография», соавтор «Подтексты. Том 3», ведущая рубрики «Психологический компас» в Подтекст Клубе

Подтекст клуб и сборники «Подтексты» — это замечательное явление. Обожаю, когда люди пишут стихи и изучают поэзию. Литература — дело кропотливое и важное. Участвуя в преподавании, вижу, как растут многие участники, а часто и создают совершенно отличные стихи.

Владимир Кочнев

поэт, редактор журнала «Легенда», преподаватель поэтической мастерской Подтекст Клуба

Думаю, многие авторы предисловий к этому сборнику отметят осторожность и бережность – к коллегам, к стихам, к мнениям о стихах. Это очень правильно, так как поэтическое высказывание абсолютно беззащитно, и зачем бить в болевые точки. Тем более, спортивный азарт, соревновательность не сопровождают стихописание в высших его проявлениях, и, например, Заболоцкий, бормоча на переделкинской улице свое новое стихотворение, в последнюю очередь собирается уесть Мартынова или Твардовского. И, наконец, поэты не отрицают друг друга, а именно вместе составляют картину целого.

Но посмотрите – мы вымели из храма поэзии все эти гонки, скачки и прочие турниры, а они опять откуда-то взялись. Давайте прокрутим цепь событий медленно и внимательно, отталкиваясь от этого сборника.

Вася - двоюродный брат одного из авторов сборника – получил его в подарок. Предсказуемо прочитал родственника, был приятно удивлен. И, пока интерес не остыл, открыл две подборки – Галины и Лены. И Галину прочитал два раза подряд, а вот Лена что-то не пошла.

Почему?! Это интересный глубокий вопрос, но не на сейчас. А сейчас мы сформулируем, за что же соревнуются авторы, собранные под одной обложкой. За внимание Васи.

Точнее, сами стихи хотят быть прочитаны. Это их видовая черта – квитанция хочет быть оплачена, а стихи – прочита-

ны. И ничего не мешает мне надеяться на активное чтение этих стихов.

Леонид Костюков

автор 11 книг стихов и прозы,

преподаватель поэтической мастерской Подтекст Клуба

В новом уникальном сборнике творческих работ «Подтексты. Том 3» мы попадаем в атмосферу доверия и принятия, которая сохраняется на протяжении всей книги. Время течёт здесь по-особенному: то замедляется в строках стихотворений, то несётся в прозаических отрывках и зарисовках.

Словно пазл, складываешь из этих текстов своё понимание жизни.

Особенно остро звучат здесь темы ностальгии по детству, утраты близких, женских состояний и настроений: от желания влюбиться до готовности «нарисовать судьбу собственными руками». Радость родительства переплетается с болью утраты ребёнка, создавая невероятный контраст чувств.

Каждый текст — это кусочек правды, осколок души, капля опыта. И вместе они создают удивительную картину современности, где есть место и свету, и тени, и надежде, и отчаянию.

Сборник «Подтексты. Том 3» найдёт отклик в душе каждого, кто мечтает выразить себя через слово, кто ищет свой

путь в творчестве и не боится быть собой.

Ирина Громова

опытный читатель,

ведущая книжного клуба «Кофе книги все дела подождают»

ведущая рубрики «Книга по душе» в Подтекст Клубе

Евгения Ушенина

«Семь пуговиц на рубашке...»

семь пуговиц на рубашке
и кольца простые на блюде
пиши её имя на клейких бумажках
пусть над тобой смеются
пиши и загадывай скорую встречу
в автобусе с ложным маршрутом
пиши и выпрашивай мартовский вечер
с картошкой мещанским уютом
с кричащей облезлой кошкой
с её бесполезной кошкой
с бельём голубым на узкой постели
семь пуговиц — это совсем немножко
чтоб выйти из душного...
в духе
не в теле

«Наш поезд загибается в дугу...»

наш поезд загибается в дугу
мой ангел перелистывает крылья
несёмся молча от или в пургу
он не смотрел когда ему открыл я
живых и взрослых в поезде-то нет
а за окном лишь металлический снежок
танцует свой убогий менуэт
раскину руки взмах наклон шажок
нас пригласили в тот хороший дом
моя душа сжималась, я сжимала
медведя, сваленного с глазиком и ртом
хорошим людям показалось мало
наш поезд загибается дугой
осталась в доме том не я – другая
я за окном как металлический снежок
докручиваю менуэт
размах наклон шажок

«Лунный кролик в ступке...»

лунный кролик в ступке
снадобье бессмертья
из пустой скорлупки
и моего усердия
приготовит выставит
мяжок и заботлив
чтобы мог я выстоять
оказавшись подле
твоего надгробия
краем образа и подобия

«Яша, домой...»

яша домой!

и стали мы атомами

поставь карандаш на лист

веди непрерывную линию

веди

пока лист из черного не станет белым:

я вас не знаю я чист перед судом

да это и неважно пусть так и будет

яша домой!

яша-а-а!

темно-серое драповое пальто и мокасины

когда зимой нет снега

можно не прикрывать

ветчину мясистого лица

Liberté

наслушался их до рвоты

давай сюда шашки я домой

без рук без ног манекен

стою в шкафе хочу есть и внушаю детям страх

Mien Gott

рванный вексель

рванный вексель

яша-а-а!

да дома я дома

«Помнится, было...»

— Помнится было. 3х4

Комната, ночь, окно.

Кажется, мы друг друга любили...

— Кто его знает? Было темно.

Музыка — старенький хлорвинил...

— Тополь в окне, а в порту суда...

— Кажется, было... но, вроде, с другим.

— Не было этого никогда!

Минула третья сотня лет,

Ты приходила сюда одна.

— Не было этого, слышишь, нет!

Тополь всё тот у того окна.

Нет ни утрат, ни пустых обид,

Музыка снова не та, не в такт,

Строчку мою внезапно знобит,

Дрожью осенней в сухих листьях.

— Было, всё было! В порту суда,
Комната, ночь, мы любили...

— Да!

«Пирог засох, лимон закис в стакане...»

Пирог засох, лимон закис в стакане, покрылся сизой плёнкой чёрный чай.

Не дождалась иль не меня встречала?

Не тут? Не ты? Не в этот век и час?

Не дождалась. Пошла к тебе на север.

Не убрала пирог, забыла в чашке чай. В твоей любимой чашке. Повседневной.

Вернусь, помою, главное сейчас найти дорогу что чуть-чуть на запад,

не тот, а просто запад, где закат.

Я опоздал? Или напротив рано? Нет. Опоздал. К чему же мне теперь воспоминания о севере туманном, коль не могу пересказать тебе?

Вот дом и кот, и стаи жадных чаек. Они дерут и хлеб, и кров, и даже плоть.

Тебя им явно очень не хватает. Терпение само себя теряет,

надежды жалкой дряхлая щепоть.

Я в доме том оставил два альбома: один с рисунками, второй ещё пустой.

В одном ты мне любима и знакома, в другом таинственна, желанна, не со мной.

В одном улыбка тронет твои губы, в другом пиджак чужой прикроет от дождя.

В одном ты что-то говоришь мне грубо,

В другом целуешь, ничего не говоря.

А я нашла твои забытые альбомы:

В одном ты счастлив, а в другом совсем один.

Ты кормишь чаек, мы с тобою не знакомы,

В пустом — ты верен мне до гробовых седин.

«Если на минуту представить...»

Если на минуту представить
юг и север
седины...

то в эту минуту можно вложить пару обычных людских
жизней.

И станет совершенно неважно,
кто из двоих сквозь гулкое уединение мысли потеряется
на карте прошлого
или будущего
гражданином мерцающих стран.

Кто из них протянет другому пунктирную мысль
во спасение
сквозь ряд бездонных колодезных снов
насквозь

к зданию ГУМа, Колесу обозрения, а может, и дальше.

Мысль, которая удивлённо упрётся в родное окно,
и он или она коснётся стекла
в недоумении:

«Кто это может стучать мне на шестой или девятый
этаж?»

И тогда тонюсенькая человеческая фигурка

в просвисте необъятных земель
вздрагнет
и помашет рукой:
«Я здесь, я твой, я плеть».

Затем произнесёт ещё два-три еле слышных слова,
которые зажгут его звучным светом,
и набухнет огненный шар где-то внизу живота,
чтобы к полудню занять собою всё небо.
И холодный воздух накопится у корней лип и дубов,
чтобы чуть потеплеть,
обтянуть стволы,
а ближе к ночи отлепиться и поплыть туда,
где была жара,
где на миг рукавами соприкоснулись
юг и север.

«И кресты под горой...»

и кресты под горой
и лучи на горе
и гулять по воде не с кем
ливень слепит глаза
не спасают очки
запотевшие
без стёкол

облетают с балконов
чужие слова
о щенках музыкантах школе
о безумном начальнике
рванных чулках и
разбитой соседской школе

я смотрю на кресты
я иду под водой
от луча до луча
сквозь бездну
ливень слепит глаза
и чужие слова пузырятся вокруг “если”

«Пристрой себя на белых простынях...»

пристрой себя на белых простынях
уютно так как неживую птицу
войдем на частный суд — нарезку бытия
еще чуть-чуть и будем расходиться
когда-нибудь всё кончится для нас
не в этот точно
и пока не в этот раз
нигде не спрятаться
но ты мне веру дал и чёрный ход и эту неживую птицу
когда-то всё закончится для нас

сейчас
готовься будем расходиться

«Треснули синие очки безумного...»

треснули синие очки безумного
и что теперь?

тряси мокрыми волосами
не пропускай уроки английского
мебель двигали заменяли вечное викторианское
лампами из икеи

убийца рыбы смотрит из каждого окна
ну ладно, не из каждого

вон там на шестом (или это седьмой?) этаже
свет такой тёплый, такой вечный, что хочется
стеклянным шариком по лестнице вверх
и притаиться за дверью
ждать, что откроют

всегда же изнутри открывают

стучал и верил
верил и стучал

Он откроет а я тут как тут
немного треснувший
но всё ещё прозрачный
беглый огонь

«А в этот раз я ничего не захотела...»

а в этот раз я ничего не захотела
осталась дома и смотрела в чёрное окно
подкожный сауд Очень странных дел
звучал как старое забытое кино
под вой салютов и удары в лоб
бездушными петардами Моет
на окнах огненные знаки гороскоп
рисует
я с собою тет-а-тет

и никаких людей и смерти никакой
лишь точки звезд я нафталиню крылья

и кровь Христа

и отражения (доверься мне) сокрыла я

«Постучите, прошу, по надгробию...»

постучите прошу по надгробию
посмотрите на меня рожающую новый свет
невпопад улыбающуюся
чувствуете пахнет кожей тугой дубленой
на меня похожей
я стою в переходе пока вы чертите круги на снегу
я поднимусь но посмотреть не успею
слышу пустой металлический звон
меня снова выгнали вон
из слов образов из-под крышки

сказали: попробуй еще раз малышка
дерзай подмигни дню детка
это не сук а ветка
можешь рубить
а можешь снова втиснуться в важную тётку
выбирать пустую худую лодку
встать оттолкнуться от кромки
и силуэты наши сожрут потемки

надоест нам это и станет скучно
лист на исходе ручка

что-то скребет не знает
что ты в очередной раз живая
что снова летишь на санках
и помидоры в банках
что злое за всё ответит
что это значит?
ветром тихим тебя качало
мы снова стучим в твою крышку чтобы начать с начала

«Наберу воду Красного моря...»

наберу воду красного моря в бутылку 0,5
отвезу в замороженный сонный город
тебе

ты говоришь: отдыхают те кто устал
а я не устала

я задолбалась

меня надо сбросить с шезлонга в снег
валять валять

а потом достать нежную улыбающуюся бабу
и не отряхивая отправить обратно на работу
а ты? вот ты действительно устала

оболью тебя водой красного моря
поставлю под фитолампу и буду ждать
когда ты сможешь родить и выдохнуть

хрупкое желание в стеклянный шар ручной работы

мы повесим его на карниз

будем лежать на полу и смотреть на солнечных зайчиков
снежные беглецы

Константин Бочаров

Полуночное

Что-то мне, мама, не спится...

Спи, сыночек.

Стучат мамины спицы,

На лоб надвинут платочек.

Слеза по щеке сбегает,

Дрожит ресница...

Приснится такое, бывает,

А потом до утра не спится...

Нина Лаврентьева

«Кашель грудной и влажный...»

Кашель грудной и влажный,
Прест в саду листва...
Где я теперь, не важно.
Важно, что ты права.

Ты не хотела встречи,
Что может быть глупей
Тратить курортный вечер
С парнем из Пиндушей?

Только луна в зените
Спутала планы все.
Полночь, жасмин, мой свитер...
Твой палантин в песке.

Лето сорвалось с ветки,
Снова лечу бронхит.
За поцелуй в беседке
Сам на себя сердит.

Сушь стучат по крыше,

Стыд потеряв с листвою.
Жаль, что уже не слышен
Запах на шарфе твой.
«У него опять мокрый тренч...»

У него опять мокрый тренч,
Шляпу покрыла ржа,
Походка, движение плеч
В нём выдают бомжа.

У него волос рыжих сноп
Убран давным давно.
Теперь этот лысый сноб
Смотрит в моё окно.

У него букет — мокрый куст —
Даром не нужен мне.
Проснусь — палисадник пуст.
Ноябрь стоит на дворе.
«По шоссе, не сбавляя газу...»

По шоссе, не сбавляя газу,
Беспрестанно крутя рулем,
Завернула под мост и сразу
По капоту удар плечом.

Я закрыла глаза и только,
Переулка проехав два,
Поняла, что танцует польку
По педалям моя нога.

Даже страус не прячет бошку,
Википедия даст ответ,
Я ж решила, что понарошку,
Совершила бухой наезд.

Только совесть проснулась, дура,
Поплелась чуть дыша назад,
Там уже офицеры МУРа
Очертили из лент квадрат.

Медицинский халат, мигалка,
На асфальте кулёк тряпья,
Человек не живой, а жалко,
Почему-то не труп — себя.

Пелена на глаза упала,
В темноте я шепчу слова:
«Иисус уничтожил жало,
Смерти нет!» Болит голова.

С колокольни раскаты. Жажду!

Повторяю Христу тропарь.
Добровольно испила яду,
Позабыв взглянуть в календарь.

Занавески, подушка, страхи:
«Неужели могу убить?»
У окна в ожиданье плахи
Замерла. Не спешите жить.
«Я хрусткий ледок...»

я хрусткий ледок
тропа через ельник
белый дымок
увядший вербейник
под козырёк
повесил я веник
ржавый замок
собачий ошейник

я мамин платок
стальной умывальник
узкий полок
бабусин сметанник
кваса глоток
ореховый пряник
вон за порог

я обидчивый банник

я жирный блинок
в горшочке рассольник
кот-колобок
советский приёмник
шерсти клочок
засушенный донник
свят образок
я никола угодник
«Хочешь весны?»

Хочешь весны?

Обмакни рафинад в заварку
И наблюдай, как бухнет и крошится
Мартовский снег.

«Что такое любовь?»

— Что такое любовь?

—

— Молчишь?

Мне самой отыскать ответ?

Я пытаюсь его найти,
уже целых пятнадцать лет.

Я стараюсь творить добро,
Но оно мне выходит боком.
Правда, женщина — это ребро,
Чтоб мужчине не жить одиноко?

Ну а жертва — это когда?
Отрекаться в угоду людям?
Почему мне то конь, то изба,
Если речь шла о хрупком сосуде?

Всё молчишь? А зачем стучал?
Я открыла ждала подмоги...

—

Говоришь, Ты — Начало Начал?
П-п-очему Ты мне моешь ноги?

«Шёл прошлогодний горький снег...»

Шёл прошлогодний горький снег,
Тянуло гречкой из подвала,
Мёрз на ступеньках человек,
Ему уюта не хватало.

Он отвернулся от тепла
В тоске по дому за Уралом,
Там девушка его спала,
Укрывшись звёздным одеялом.

Шёл непрерывный артобстрел,
Собаки скалили зубами,
Но человек тот не смотрел,
Он спал с открытыми глазами.

«В этом году пост рано...»

В этом году пост рано,
Я его не ждала.
Ноет под сердцем рана,
Стынет в печи зола.

Я не месила тесто
И не пекла блины,

Мне отчего-то тесно.
Можно с тобой на «ты»?

Окна и полки чисты,
Пол я в четверг протру,
Страшно опять от мысли,
Что я просплю зарю.

Нет у меня одежды
Встретить тебя. Простишь?
Только Твои надежды:
«Стучу, почему ты спишь?»
«На двери облупилась краска...»

На двери облупилась краска,
И в парадной разбита плитка,
Сигаретным туманом ласкан,
На шестой мне опять без лифта.

Под ногами стекло от ампул,
На стене всё в граффити кляксах.
Полумрак, не спасают лампы.
Мы кусаем всё тот же кактус.

А внутри конденсат на окнах,
И снаружи потёки влаги.

Мы с тобою опять промокнем,
Но отсюда видать Исакий.

Если вдруг нападут усталость
И хандра от дурных событий,
Ты запомни простую Мантру:
Колоннада, поребрик, Питер.

«Я лечу по орбите...»

Я лечу по орбите, норовом
Возмущая законы физики,
У нас жизни с тобою порознь,
Я пытаюсь хоть как-то сблизиться.

Мне бы стать твоим верным спутником,
По ночам звезды отражением,
Поплавком в этом мире суетном.
Только как изменить движение?

В переходе звоню по номеру,
Ты берёшь, но молчу, как дурочка,
Я мечтаю стать твоим донором,
А пока сердцевина бублика.

Миллионы лет до касания
Твоего рукава галактики,
До прерывистого дыхания,
И наивной заборной графики.

У меня два урока алгебры
У тебя волейбол и химия.

Ты домой бежишь на диаметр,
У меня — кольцевая линия.

Я сыта своими мытарствами
И молюсь Пифагору в бороду:
Пусть сведёт параллельно нас с тобой,
И секущую между борозду.

Иван

Матулайтис

Ночь раз в четыре года

Ночью тихой и холодной,
Сам не знаю почему,
В кресле мягком я с подругой
Времени чуть-чуть займу.

Мы просидим с ней до двух ночи
В той долгой, странной тишине,
Наушник что-то там лопочет,
Он не прогонит её, нет...

И как бы громко ни пыталась
Играть та музыка извне,
Я на своём... сидеть останусь
И слушать мысли в тишине.

Мне мысли те она нашепчет
Про счастье яркое вдали,
И за слова схвачусь я крепче:
Они страсть к жизни мне зажгли!

Меня великие свершенья
Ждут непременно впереди,

Всего добыюсь я, без сомненья!
Мне б не устать на полпути...

И далее четыре года
Мечтать я буду, что есть сил,
О том, как перед всем народом
Плоды трудов своих вкусил.

Добился своего в итоге...
Жизнь оказалась посложней:
О сцену мельком вытер ноги
И, кажется, лишь стал мрачней.

Ночью тихой и холодной
Нынче зная, что к чему
В кресле жёстком я с подругой
Новый план на жизнь приму.

В буре

Дубовый дом,
А также стул и лавки.
Сидим общаемся, притом
В бюджеты вносим правки.

Чуть-чуть поломано вокруг,
Но и притом уютно.
Я в окружении подруг...
И матерюсь прилюдно.

Одна меня толкает в бок
И хочет поменаться.
Я отвечаю ей: «Дружок,
Давай без демонстраций.

Мы тут сидим, чуть-чуть шумя,
Вожатых не сыскать!
Здесь розовая полутьма,
Свободы благодать!»

Она помедлила чутка,
Но живо согласилась.

Решилася наверняка
Уж оказать мне милость.

В окно стучат. Заколебал.
Открыл тихонько двери.
Зашёл какой-то неформал.
И я ему поверил.

Пообещал нам улететь
И даже время дал
Собрать все вещи, чтобы впредь
Сберечь свой капитал.

Иду по хрупкому я льду,
По цвету тёмно-белый
Он под ногой хрустит, ввиду
Непрочности незрелой.

И в буре вижу — самолёт!
Он унесёт нас разом!
Но вдруг шальная мысль поёт,
Мой пробуждая разум.

И вот уже я на тропе
И брата обгоняю.
Он маленький, один в толпе

Идёт до леса краю.

И я пришёл туда. Опять.

Туда, где жить основа.

Пустыни тишину чтоб смять,

Ору я в голос. Снова.

Меня здесь трое повстречает

Подруг из класса одного:

Запас эмоций нескончаем

У нас же «темок» ого-го-го!

И снова мне они расскажут

Что будут ждать меня всегда

И лично мне, как персонажу,

Найти сил в прошлом нет труда.

Пустое здание стоит

А мне там всё знакомо.

Смотрю от радости в зенит

И просыпаюсь. Снова.

Город света

Среди возвышенных колонн,
Держащих небо как Атлант,
Где каждый житель раздражён
Будь местный он иль иммигрант.

Где нет опасностей больших,
Но глаз замылила рутина.
И жизнь не радует без них:
Бухла и пачки никотина.

Там ложь въедается в ума
И продаётся разных видов.
Заводы шумные дымя,
Не допускают дефицитов.

Там для удобства смяли горы,
Деревья сделали кустами:
По самую верхушку кроны
В асфальт и щебень закатали.

Здесь каждый вечно озабочен
И до смешного активист...

Орёт про лавки у обочин,
И сад ему не так душист.

Он будет громко возмущаться,
Но дело в руки не возьмёт:
«Тут надо долго разбираться,
А мне пора на... Бухучёт!»
А сам работает таксистом. Клоун.

Здесь на морально-волевых
Когда-то строились районы,
Чтоб ныне семьи в небольших
Коморках были поселённые.

Здесь люди, к аду тренируясь,
По часу под землёй торчат
В метро, за место соревнуясь
Лишь пуще прежнего грешат.

Конца и края не видать
Великой, шумной, вечной стройке,
Где появилась «типа знать»,
Родившаяся на помойке.

Большуший город поощряет
Всех тех, кто дал ему взрасти,

Тут мысли редко посещают,
Здесь вечно всё на полпути.

Свободы утоляя голод,
Встречаешь ты сухой бюджет,
И многомиллионный город
Лишь в темноте находит свет.

Afterparty

Дым сигаретный в клубьях тумана...
Я чётко помню, как клялся не пить,
Друзья губят лёгкие. Стадность коварна
Дух коллектива никак не убить.
Сидим на крылечке и мямлим пространно.
Ночь, запах спирта и лунная нить.

А на участке три домика рядом
Кучкой собрались бояться уйти:
Там одиноко, промозгло и гадко,
Тут же друзья, коллектив взаперти.
Там неизвестность и непонятка,
Тут все свои, как угодно, живи.
Здесь собирается всё поколение,
Чтобы оплакать ушедшую жизнь.
Все вспоминают своё окруженье:
Много у нас было малых отчизн.
И на короткое, но на мгновенье,
Мы не хотим появленья новизн.

Каждый тихонько свои поминает
Малые родины, детство в раю.

Те небольшие места посещает,
Где навсегда все друзья и уют.
Каждый печально, слезливо мечтает
От безнадёги: все скоро уйдут.

Так и проходят часы за часами,
Пока не решается кто-то привстать:
«Что мы сидим? Прудик не за горами,
Погнали туда? Ночь, туман... Благодать!»
Мы подрываемся с мест и мечтами
Гонимые рвёмся от жизни всё взять

Вот и расходится классная туса,
Каждый выносит оттуда своё:
Жить надо дальше, не труся укуса
Жестокой судьбы, ладно, дел громадье.
Все идут за собой, попадают в конфузы
Мы увидимся снова, но с новым житьём.

Жанна Белобородова

Глава 6. Взаимозависимость независимостей из романа
«Святая Джоанна»

В понедельник Евгения не пришла на занятие английским языком. Дэвид прождал её у входа в кафе целый час. Весенний тёплый закат, окрасивший соседние здания в оранже-

вый цвет и отражавшийся в вымытых окнах резкими блестящими огоньками, вызывал чувство необъяснимого беспокойства. Мимо в лёгких одеждах спешили домой ничего не подозревающие прохожие. Дэвид не знал, что делать. Они не обменялся с Женей номерами телефонов по условиям эксперимента. Зачем-то вошёл внутрь кафе, осмотрел оба зала, внимательно разглядывая каждый занятый стол. Вышел. Достал мобильный, но позвонить патрону не решился. Дэвид не мог признаться себе, что боится услышать ответ. Стоял, пока совсем не стемнело.

На следующий день еле дождался начала занятий в фотошколе. Женя не появилась и там. Дэвид с растущей тревогой смотрел её на пустое место за партой. Путался в слайдах, невпопад отвечал на вопросы студентов, которых порой даже не слышал. В среду снова простоял у кафе два безнадёжных часа. Пришла мысль узнать телефон Жени из документов в школе, но нарушить условия договора и пойти против Когтя не решался. Захотелось закурить, вернувшись к брошенной привычке. Еле сдержался, нервно обрывая набухшие почки с куста, росшего рядом с кафе.

В четверг, глядя на пустую парту, не выдержал и в обход договора, всё-таки попросил у сисадмина школьного чата телефон студентки Евгении Колокольниковой. И после занятия, немного поколебавшись, написал сообщение: «Hi, Evgenia. This is David. Where are you?»¹. Замер в мучитель-

¹ Привет, Евгения! Это Дэвид. Где ты? (англ.)

ном ожидании. Ответ получил довольно быстро, минут через пять: «Hi, David. I'm ill. I catch a cold. I'll come next Monday»². Выдохнул медленно и шумно. Вот дурак, сразу решил, что плохое случилось. Услышал, как сердце бешено колотится о рёбра. Она просто заболела. Ну конечно, вышла на улицу разгорячённая после концерта, вот и результат. Надо было самому догадаться.

В понедельник Женя появилась у кафе закутанная в бежевый палантин и, слегка покашливая, смущенно попросила в этот раз посидеть внутри, чувствовала себя ещё не совсем окрепшей. К началу мая немного похолодало. Расцвела черёмуха. На газонах появились жёлтые звёздочки мать-и-мачехи. Дэвид, запрятавший своё довольство, что с Женей ничего не случилось, куда-то на самое дно серых лучистых глаз, выразил согласие молчаливым кивком. Кафе пустовало. Люди после зимы рвались на улицу — в парки и скверы, залитые солнцем и украшенные клумбами. Выбрали столик. Дэвид отодвинул Женин стул и, как ей показалось, сделал лёгкий, едва заметный поклон головой.

Телефонами договорились пользоваться только в крайнем случае — предупреждать, если кто-то не может прийти. Опаздывающего ждать полчаса. Но лучше не опаздывать. У себя на телефоне Дэвид переписку с Женей на всякий случай

² Привет, Дэвид. Я болею. У меня простуда. Я приду в следующий понедельник (англ.).

удалил. Перешли к занятию. Поговорили на английском часа два о том, о сём. Перед уходом Женя неожиданно выдала:

— Дэвид, если писать друг другу нежелательно, я лучше сразу вас предупрежу. В среду я не приду сюда.

— Почему? У нас занятие на русском языке. Ты помнишь договор? — бровь Дэвида взметнулась вверх, фиксируя достаточно высокую степень удивления.

— Да, я помню, — устало ответила Женя, — но в среду у нас большой праздник. Девятое мая. День победы. Ты, наверное, слышал? Будет парад и потом шествие. Мы всегда отмечаем этот праздник. Это важно для нашей семьи.

Дэвид нахмурился:

— We missed a whole week³!

— If it is so important to talk on Wednesday, come to the procession after the parade. I'm inviting you⁴, — спокойно ответила она, — you can definitely speak Russian there⁵.

Девятого мая после парада Женя, уже абсолютно здоровая и радостно-возбужденная, с георгиевской ленточкой на светло-голубой джинсовой курточке, потащила Дэвида в метро, а затем привела к какому-то старинному зданию, где собралась толпа празднично одетых людей. Многие стояли с бу-

³ Мы пропустили целую неделю! (англ.).

⁴ Если так важно поговорить в среду, приходите на шествие после парада. Я приглашаю вас (англ.).

⁵ Вы там точно сможете поговорить по-русски (англ.).

кетами тюльпанов и гвоздик. Дэвид был в выглаженных серых брюках и белой рубашке без галстука. Сверху он накинул стильную коричневую кожаную куртку. Подойдя к столу регистрации, Евгения подала паспорт и назвалась:

— Колокольникова Евгения Евстафьевна.

Молоденькая студентка-регистраторша вопросительно взглянула на Дэвида.

— Это мой муж — Колокольников Андрей. — Небрежно махнула в его сторону рукой Женя. Девушка удовлетворенно кивнула и поставила галочки в каких-то листках и попросила расписаться за себя и за мужа. Женя быстро черкнула две невнятные закорючки. Дэвид вопросительно взглянул. Пожав плечами, Женя безразлично объяснила:

— Он отказался ехать, не пропадать же месту.

— А что будем делать?

— Сейчас соберутся все, кто зарегистрировался, и мы пойдём колонной в парк возлагать цветы к мемориалу.

В этот момент к ним подошёл русоволосый юноша в тёмно-синих джинсах и серой толстовке с капюшоном с чёрным рюкзаком за спиной. Двумя руками он держал перед собой букет красных тюльпанов довольно внушительных размеров.

— Мам, привет. Я купил. Нормально?

— Привет, сынок. Отлично! Букетище — что надо! Ты — молодец! — восторженно ответила Женя и потянулась губами к щеке молодого человека, встав на цыпочки. Он стеснительно сморщился, попытавшись уклониться от поцелуя, но

тюльпаны ему мешали. Женя, уже натренированная в этом упражнении, уцепилась за рукав толстовки, потянув сына к земле. Он слегка согнулся, и её губы коснулись родной щеки, только недавно познакомившейся с лезвием бритвы. Стрельнула глазами по щеке Дэвида. Тот тоже был идеально выбрит. Как всегда. Опустилась на пятки с довольной улыбкой.

— Дэвид, мой учитель по фотографии, — представила она своего компаньона, — а это Антон, мой сын, студент первого курса МФТИ.

В её голосе послышались нотки гордости.

— Добрый день! — кивнул Антон, руки у него были заняты.

— А Настя где? — спросила Женя с беспокойством. — Сейчас уже пойдём, а её всё нет.

— Да вроде она собиралась. Может сразу к мемориалу подойдёт? — предположил Антон. — А отец приедет?

Женя, молча, отрицательно качнула головой.

Люди вокруг галдели, смеялись, пытались петь, кто-то не очень умело перебирал аккорды на баяне. Начали строиться в колонну. Заиграл небольшой оркестр, и демонстранты медленным шагом двинулись по улице, маша прохожим живыми и искусственными цветами. Человек с красным флагом громко закричал: «Ура!»

— Ура-а-а! — гулким рокотом прокатилось по колонне в оба конца. Кому-то оказалось скучно идти молча, и он затянул песню:

— Расцветали яблони и груши.

— Поплыли туманы над рекой, — сильным голосом подхватила Женя.

— Выходила на берег Катюша, на высокий берег на крутой, — пели уже десять человек рядом. Дэвид, не отводя взгляд, всю песню смотрел на Женю. Она никого не замечала. Пела звонко, от всего сердца, чисто и красиво выводя ноты, задавая основной мотив. И все подстраивались под её голос. Антон, смотрел на маму с нескрываемым восхищением, изредка подтаскивая рывком вверх объёмный букет тюльпанов, предательски выskalъзывающий из кольца обхватывающих его рук. Дэвид забрал у него половину цветов. Спели ещё «День победы», «Последний бой, он трудный самый», «Синий платочек». До мемориала было недалеко. В парке они разделили цветы на троих. Подошли к памятнику, практически раздвигая плечами плотно стоящих людей. Дэвид и Антон положили тюльпаны на постамент и освободили место, перейдя во второй ряд. К Жене в последний момент у самого обелиска пробралась невысокая хрупкая девушка с распущенными светлыми волосами ниже плеч.

— Мам, привет. Ты прости, я опоздала на шествие, меня Влад задержал, — она не глядя махнула рукой в сторону парня, который не стал к ним подходить и стоял поодаль в толпе, сгорбившись и засунув кулаки в карманы грубых чёрных джинсов, — ну это же ничего, да?

Её извинения прозвучали довольно-таки механически. По

мнению Дэвида. Но Женья разделила свой букет и половину дала дочери:

— Привет. Хорошо, что пришла. Держи. Деда нельзя забывать. Он за нас воевал.

Пока обе возлагали цветы, Дэвид профессиональным взглядом успел рассмотреть и девушку, и её бойфренда. Парень стоял со скупающим лицом, всем своим видом показывая безразличие к происходящему вокруг. Для него это было явной потерей времени. Чёрная футболка с какими-то непонятными знаками и черепушками плотно обтягивала его выпуклые накачанные мышцы. Выбеленные волосы пострижены очень коротко, зигзагообразные линии, выбритые от виска к затылку, подкрашены в зелёный оттенок. Лицо притягивало внимание странной своеобразностью. Дэвид не мог дать определение этой странности. Как будто под маской современного человека прятался первобытный. Глаза пустые и хищные одновременно. Девушка же, стройная и лёгкая, как Дюймовочка⁶, одетая в бордовое платье, лиф которого плавно очерчивал небольшую грудь, подвязанную аккуратным узлом белого трикотажного болеро. Юбка-солнце разлеталась воланами от осиной талии над стройными ножками, обутыми не в современные кеды на высоченной платформе, а в лёгкие баретки. Её живые умные карие глаза напоминали взгляд Жени. Размышляя о разительном контрасте этой пары, Дэвид не сразу заметил, как мать и дочь отошли от па-

⁶ Героиня сказки Г. Андерсона.

мятника и вернулись к ним с Антоном.

— А это ещё кто? — подозрительно посмотрев на незнакомца насторожилась девушка. — А отец где?

— Не приехал, занят. А это Дэвид, известный фотограф и мой наставник в фотошколе. Он иностранец, интересуется нашим праздником «Девятое мая». Настя, моя дочь, студентка второго курса МГУ. — Женя представила их друг другу, стараясь не выказывать никаких эмоций. Дэвид сделал шаг вперёд и слегка склонил голову в поклоне. Настя посмотрела на него с недоверием, но услышав голос своего молодого человека, коротко кивнула в ответ и тут же отвернулась, чтобы понять, что ей кричат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.